

ПОРФИРИЙ И ПОРФИРЬЕВИЧ: ОТ ФИКЦИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА К РЕАЛЬНЫМ

В антиутопиях В. Пелевина «S.N.U.F.F.» и «iPhuck 10» развернуты сюжеты цифровых технологий литературного творчества. Технологические гипотезы конструирования художественного текста – база для размышления о его генезисе и феноменологии. Фантастическое становится прогностическим по мере появления нейросетей, пробующих силы в писательстве. Исследование продуктов таких проб дает новый материал для рефлексии о природе художественного текста.

Ключевые слова: нейросети, Пелевин, Порфирьевич, поэтологический аспект, генезис художественного текста

G.V. Zalomkina, Samara University

PORFIRY AND PORFIREVICH: FROM FICTIONAL DIGITAL TECHNOLOGIES OF LITERARY ACTIVITY TO REAL ONES

In V. Pelevin's dystopias “S.N.U.F F.” and “iPhuck 10” the theme of digital technologies meant for literary work is developed. Technological hypotheses of the construction of a literary text are basic for considering its genesis and phenomenology. The fantastic becomes predictive as neural networks appear and try their hand at fiction and poetry. The study of the products of such attempts provides new material for the reflection on the nature of the literary text.

Keywords: neural networks, Pelevin, Porfirevich, poetological aspect, genesis of a literary text

В двух антиутопиях В. Пелевина – «S.N.U.F.F.» и «iPhuck 10», помимо прочего, подробно развернуты сюжеты цифровых технологий литературного творчества. Их разработка осуществляется в двух аспектах – научно-фантастическом и поэтологическом: Пелевин строит технологические гипотезы относительно механизмов и форм конструирования художественного текста – в конечном итоге для того, чтобы размышлять о его феноменологии и об особенностях его генезиса, а также экспериментировать с его инстанциями. Второй аспект – из технолого-фантастического постепенно оборачивается

прогностическим: подобные технологии начинают появляться в реальности, а их функционирование выводит нас к первому аспекту – рефлексии относительно природы художественного текста.

В романе «S.N.U.F.F.» один из двух протагонистов – матерый циничный боевой репортер Дамилола – создает летопись событий, закончившихся разрушением «дивного нового мира», основанного на цифровых технологиях, передавая не только свое видение, но и периодически пытаюсь посмотреть на мир глазами второго главного героя – юного «дикаря» Грыма. При этом он пользуется программой «креативный доводчик», которая «учитывает все, когда-то сказанное людьми, все бесчисленные смысловые выборы, которые делались в течение веков и сохранились в информационных анналах...» [4, с. 412] и превращает сырой текст в «несколько вариантов новорожденной мысли, уже сформулированной и румяной, завернутой в пленки умных слов» [4, с. 411], при этом технология позволяет варьировать «новорожденный абзац» в стилистических координатах. По наблюдению Т. Надозирной, «креативный доводчик – залог того, что текст, Дамилола как его творец и история его любви как объект авторского внимания оказываются заведомо обезличенными. Все это акцентирует отсутствие свободы личности даже в пространстве письма...» [3, с. 55]. Роботизация текста выступает как составляющая ключевой для романа мысли о имманентной механистичности того, что человек полагает своим сознанием, каковое на деле есть только сложноорганизованная совокупность электрических импульсов и химических реакций, протекающих в мозгу у человека, но совершенно от него не зависящих. И автор, и его текст – вариант мозаики из готовых кубиков, которая складывается благодаря продвинутым физиологическим либо цифровым технологиям. Пелевин отсылает здесь как к буддизму, полагающему, «что личность есть только имя для обозначения соединенных в определенном порядке групп психофизических элементов» [7, с. 31], так и к бартовской теории автора как скриптора, который «несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо» [1, с. 387].

Аналогия бартовского «мертвого» автора и цифрового текстового компилятора становится центральной в романе «iPhuck 10», где одним из повествователей выступает программа ZA-3478/ РНО – «литературно-полицейский алгоритм», одновременно расследующий преступления и создающий о них детективное повествование. Эта программа «размещает слова и их последовательности в соответствии с правилами языка в стилистике, которую в наше время почитают классической <...> Алгоритм в своей основе

создан людьми, и производимый им продукт ... кажется творением человека. В опосредованном смысле так и есть, но кто именно автор, ответить будет довольно сложно» [5, с. 6]. У алгоритма есть имя, нарочито отсылающее к русской классике – Порфирий Петрович. Он подчеркивает отсутствие у него каких бы то ни было личности и самосознания, и замечает, что это относится и к его читателям, поскольку «фундаментальная природа человеческой личности та же самая» – то есть отсылает к вышеозначенной идее, развернутой в «S.N.U.F.F.».

Через два года после выхода романа «iPhuck 10», в 2019 г. разработчик Михаил Гранкин создал программу, которая адекватно и убедительно «дописывает» введенный текст, используя все доступные базы данных, в том числе художественную литературу, и стилистические анализаторы [6]. Она была создана по аналогии с нейросетью GPT-2 компании OpenAI, появившейся незадолго до этого. Русская нейросеть получила имя Порфирьевич, однозначно отсылающее к Пелевину. Причем не только к алгоритму-«отцу» Порфирию, но и к креативному доводчику, и к андронидной Кае – суррогатной любовнице Дамилолы, поскольку все они работают по принципу «китайской комнаты»: «...все поведение суры, вся ее речь и реакции резонируют с древней мудростью человечества. Причем база данных время от времени обновляется <...> Она не думает...у нее внутри нет того, кто думает <...> В ней сканер, который считывает иероглифы, и огромная база референций и правил, позволяющих подбирать иероглифы для ответа» [4, с. 94, 166–167].

Представляется небезынтересным проследить, как Порфирьевич работает с текстом, какие стилистические паттерны подбираются для достижения определенного эффекта. Программа предполагает возможность нескольких вариантов дописывания вводимого текста, а также постепенного наращивания текста. Для эксперимента мы взяли фразу, которую в муках творчества породил Жозеф Гран в романе А. Камю «Чума» в качестве зачина его великого романа, но дальше так и не продвинулся. Фраза эта показательно банальна, эстетически и содержательно убога: «Прекрасным утром мая элегантная амазонка на великолепном гнедом коне скакала по цветущим аллеям Булонского леса...» [2, с. 98]. Посмотрим, какие продолжения предлагает Порфирьевич.

Первые варианты остаются в русле заданной стилистической стертости и жанровой предсказуемости, и хотя видна попытка «зацепить» читателя загадочностью, она вполне укладывается в законы дамского романа или массовых вариантов фэнтези.

«...Изящная амазонка была не кем иным, как божественной Дамой Озера».

«...Справа – темная масса замка, которого на картах никогда не существовало».

Два других варианта дают разворот в ироничный эклектизм и более удачную попытку неожиданного развития:

«...Сейчас ей тридцать, и она в дымчатых очках и траурном платке – как будто гордая кавалерист-прапорщик на прогулке».

«...Отдалившись от «Петрификаса» на несколько миль, она нашла нужную дорогу и, проехав еще немного, стала набирать скорость».

При наращивании текста получается такой пассаж, в некоторых моментах наводящий на мысль о Набокове и содержащий небезынтересные потенциалы для дальнейшего развития повествования:

«...Хорошенькая французская баронесса сидела на лужайке в глубоком ситцевом чепце и читала книгу, опираясь на резную серебряную трость... Две юные немки в чепцах с розовыми бантами на головах, усердно плясь в раскрытые на коленях «English History of Our Male» («Английская История нашего Маленького»), тоже читали вслух: из-за шума ветра понять можно было не все, но слова и выражения были достаточно выразительны. Ничего так себе, да? Даже неплохо. Но мы ведь не собираемся рассказывать о жизни всех этих людей, правда? Мы – про Рейха, это наша история. Так о чем я? Ах да. Амазонка остановилась и сказала что-то подругам, и они обе засмеялись, закинув головы».

Постмодернистская игра Пелевина с научной фантастикой реализуется в наличном феномене, что выводит его размышления о природе и сущности сознания и творчества в актуальную плоскость. Что такое нейросеть Порфирьевич – программистский эксперимент, побочный продукт серьезных исследований искусственного интеллекта, игра, помощник? Не станет ли он в конечном итоге программой, отчуждающей текст и отменяющей персональное писательство как таковое? В романе «S.N.U.F.F.» оба героя, испробовавшие возможности литературного доводчика, демонстрируют их неприятие: Грым перестает писать совсем, Дамилола в самом конце своего рассказа заявляет: «Но тут мои пути с доводчиком расходятся» [4, с. 477]. Возникает также вопрос: если за текстом, созданным подобным образом, не стоит никакого сознания, а только набор изошренных алгоритмов, обрабатывающих уже сказанное, можно ли его считать художественной литературой и подвергать привычной литературоведческой процедуре анализа, синтеза, интерпретации?

Однако, не стоит ли то же самое за любым литературным текстом, как полагал Р. Барт?

Список литературы:

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва 1989, с. 384–390.
2. Камю А. Чума // Камю А. Чума. Записки бунтаря: [сборник: перевод с французского]. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 9–278.
3. Надозирная Т.В. Пелевин vs Набоков: «S.N.U.F.F.» как ремейк «Лолиты» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. №3 (7). С. 53–56.
4. Пелевин В. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012.
5. Пелевин В. iPhuck 10. М.: Издательство «Э», 2017.
6. Порфирьевич[Электронный ресурс]. URL: <https://porfirevich.ru> (дата обращения: 25.03.2021).
7. Торчинов Е. Введение в буддологию: курс лекций. СПб., 2000.